

*Анна А. Зализняк,
И. Б. Левонтина,
А. Д. Шмелев*

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЫ МИРА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.

3 55   Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 5-94457-104-7

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия устройства мира, или «языковую картину мира». Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в единую систему взглядов, которую, сами того не замечая, принимают все носители данного языка. Реконструкции такой системы представлений, заложенной в русском языке, посвящена данная книга. В нее вошли статьи трех авторов, в которых анализируются ключевые слова русской языковой картины мира – такие, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость, обида, попрек, собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, задомно* и др. «Ключевыми» эти слова являются потому, что они дают «ключ» к пониманию русской языковой картины мира; одновременно они являются лингвоспецифичными, так как содержат в своем значении концептуальные конфигурации, отсутствующие в готовом виде в других языках (сравнение проводится с наиболее распространенными языками Западной Европы).

Работы, собранные в данной книге, написаны в период с 1994 по 2003 год; они объединены общностью наиболее важных методологических установок, при этом различаются по жанру и стилю и отчасти по используемому метаязыку. Статьи объединены в тематические разделы, соответствующие фрагментам русской языковой картины мира. В Приложении помещена статья Анны Вежицкой, к чьим идеям в значительной степени восходит направление исследований, представленное в данной книге.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина Б. Кустодиева
«Масленица», 1919 г.*

© Авторы, 2005

© Ю. С. Сасвич. Оформление серии, 2005

© Языки славянской культуры, 2005

Оглавление

От авторов	9
----------------------	---

I. Вместо введения

<i>А. Д. Шмелев.</i> Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?	17
<i>А. Д. Шмелев.</i> Лексический состав русского языка как отражение «русской души»	25

II. Пространство и время

<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.</i> Время суток и виды деятельности	39
<i>А. Д. Шмелев.</i> Широта русской души	51
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев.</i> Родные просторы	64
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев.</i> На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке	76
<i>Анна А. Зализняк.</i> Преодоление пространства в русской языковой картине мира	96
<i>А. Д. Шмелев.</i> В поисках мира и лада	110

III. Человек: душа и тело

<i>А. Д. Шмелев.</i> Дух, душа и тело в свете данных русского языка	133
<i>Анна А. Зализняк.</i> Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира	153
<i>Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев.</i> О пошлости и прозе жизни	175

IV. Чувства и отношения

- Анна А. Зализняк. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен* 205
- Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. С любимыми не расставайтесь* 226
- И. Б. Левонтина. Милый, дорогой, любимый...* 238
- И. Б. Левонтина. «Достоевский надрыв»* 247
- И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Хорошо сидим! (Лексика начала и конца трапезы в русском языке)* 259
- И. Б. Левонтина. Помилосердуйте, братцы!* 270
- Анна А. Зализняк. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции* 280
- А. Д. Шмелев. Дружба в русской языковой картине мира* . . . 289

V. Намерения и дела

- Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. Отражение «национального характера» в лексике русского языка* 307
- И. Б. Левонтина. Ното piger* 336
- И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Русское «заодно» как выражение жизненной позиции* 345

VI. Этические концепты

- И. Б. Левонтина. Звездное небо над головой* 353
- И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Поперечный кус* 358
- И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. «За справедливостью пустой»* 363
- Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности (обидно, со-вестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира)* 378
- А. Д. Шмелев. Плюрализм этических систем в свете языковых данных* 398
- А. Д. Шмелев. Терпимость в русской языковой картине мира* 410
- Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Компактность vs. рассеяние в метафорическом пространстве русского языка* 424

VII. Вместо заключения

- А. Д. Шмелев.* Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (*на всякий случай, если что, вдруг*) 437
- А. Д. Шмелев.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира 452

VIII. Приложение

- А. Вежбицка (Канберра).* Русские культурные скрипты и их отражение в языке 467
- А. Д. Шмелев.* Комментарии к статье Анны Вежбицкой 500
- Указатель лексем 511
- Литература 525

От авторов

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значениях разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Почему это так — почему говорящий на данном языке должен обязательно разделять эти взгляды? Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в нем в иде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира. Так, из русской пословицы *Любовь зла, полюбишь и козла* нельзя сделать никаких выводов о месте *любви* в русской языковой картине мира, а можно лишь заключить, что *козел* предстает в ней как малосимпатичное существо.

Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Поскольку конфигурации идей, заключенные в значениях слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные.

Так, носителям русского языка кажется очевидным, что психическая жизнь человека подразделяется на интеллектуальную и эмоциональную, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная — с *сердцем*. Мы говорим, что у кого-то

светлая голова или *доброе сердце*; запоминая что-либо, *храним* это в *голове*, а *чувствуем сердцем*; переволновавшись, хватаемся за *сердце*. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь может концентрироваться в печени, так что они говорят о том, что у кого-то «умная печень» или «добрая печень», а когда волнуются, чувствуют дискомфорт в печени. Разумеется, это связано не с особенностями их анатомии, а с языковой картиной мира, к которой они привыкли.

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к ее пониманию). Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа*, *судьба*, *тоска*, *счастье*, *разлука*, *справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются лингвоспецифичными (*language-specific*) — в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках. Наряду с такими культурно-значимыми словами-концептами к числу лингвоспецифичных относятся также любые слова, в значение которых входит какая-то важная именно для данного языка (т. е. ключевая) идея. Таковы, в частности, слова *собираться*, *добираться* (куда-то), *постараться* (что-то сделать); *случилось*, *довелось*; *обида*, *попрек*; *заодно* и др. То, что некоторая идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении других слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой стороны — тем, что именно эти слова хуже других переводятся на иностранные языки. Заметим, что их переводные аналоги не являются подлинными эквивалентами именно ввиду отсутствия в их значении этих специфичных для данного языка идей. При этом часто в языке наряду с лингвоспецифичным словом имеется его «нейтральный» синоним — и он достаточно точно переводится на другие языки. Так, например, в русском языке имеются почти синонимы *собираться* и *намереваться* (нечто сделать). Первый является лингвоспецифичным и труднопереводимым, второй — нет. Аналогично устроены пары *постараться* и *попытаться* (нечто сделать), *стыдно* и *совестно*, *жалко* и *обидно* (уезжать).

Ключевыми идеями, или сквозными мотивами, для русской языковой картины мира являются, в частности, следующие (в скобках указаны слова и выражения русского языка, в которых они отражены; большинство из них анализируются в книге).

- 1) Идея непредсказуемости мира (*а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, постараюсь; угораздило; добираться; счастье*).
- 2) Представление, что главное — это собраться (чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно) (*собраться, заодно*).
- 3) Представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи; однако если это пространство необжитое, то это тоже создает внутренний дискомфорт (*удаль, воля, раздолье, размах, ширь, широта души, маяться, неприкаянный, добираться*).
- 4) Внимание к нюансам человеческих отношений (*общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться*).
- 5) Идея справедливости (*справедливость, правда, обида*).
- 6) Оппозиция «высокое — низкое» (*быт — бытие, истина — правда, долг — обязанность, добро — благо, радость — удовольствие; счастье*).
- 7) Идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует (*искренний, хохотать, душа нараспашку*).
- 8) Идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды (*расчетливый, мелочный, удаль, размах*).

* * *

В данный сборник вошли статьи о русской языковой картине мира, написанные нами в период с 1994 по 2003 г. Идейно и методологически эти исследования в значительной степени восходят к работам Анны Вежицкой, посвященным выявлению и описанию лингвоспецифичных слов разных языков, в том числе русского (при этом некоторые проблемы и понятия разрабатывались нами параллельно). В частности, непосредственным импульсом для написания одной из первых статей публикуемой серии, определившей исследовательские интересы авторов в последующие годы и позволившей говорить о возникновении особого направления исследований, явилась рецензия на книгу А. Вежицкой

«*Semantics, Culture, and Cognition*», 1992 г., заказанная журналом «*Russian linguistics*» в 1994 г. и опубликованная в нем в 1996 г. (см. статью Анны А. Зализняк и И. Б. Левонтиной «Отражение „национального характера“ в лексике русского языка»). В этой статье была выявлена и описана группа русских слов, заключающих в себе специфические концептуальные конфигурации, содержание которых может быть поставлено в соответствие с некоторыми расхожими представлениями о «русском характере» (это такие слова, как *собираюсь, постараюсь, не вышло, не сложилось* и др.).

В 1993 г. А. Д. Шмелев прочел в университете г. Тампере (Финляндия) курс «Ключевые концепты русской культуры» (книга Вежбицкой к тому времени уже вышла, но до Москвы еще не дошла); в 1994 г. аналогичный курс (под названием «Ключевые концепты русской языковой картины мира») был им прочитан в Вене. В том же году была написана статья Анны А. Зализняк о лингвоспецифичных и универсальных особенностях концептов *любовь* и *сочувствие*, предназначенная для юбилейного сборника Анны Вежбицкой и выполненная в русле проблематики универсальности VS. лингвоспецифичности эмоций, разрабатываемой Вежбицкой в той же книге 1992 г. (замысел этой работы подробно обсуждался с А. Д. Шмелевым). В марте 1994 г. А. Д. Шмелев сделал доклад о ключевых концептах русской языковой картины мира на Максимовских чтениях в Москве, после чего журнал «Русский язык в школе» заказал ему статью, которая была опубликована под названием «Лексический состав русского языка как отражение „русской души“» (в 4-м номере этого журнала за 1996 г.). В этой статье были обозначены основные пласты лингвоспецифичной лексики русского языка и намечены пути дальнейших исследований в этом направлении. Поразительное совпадение во времени с заказом рецензии на книгу А. Вежбицкой, сделанным другим изданием и в другой стране, так же как содержательное сходство независимо возникших названий этих двух работ, — убедительное свидетельство того, что эта идея в тот момент «носила в воздухе».

Впоследствии авторы объединили свои усилия; постепенно круг исследуемых слов стал расти, между разными словами стали обнаруживаться регулярные связи, была выработана определенная методология. На сегодня состояние исследований в данной области таково, что можно говорить о реконструкции русской языковой картины мира в ее целостности¹. Одновременно восстановление

---

¹ Некоторые шаги в этом направлении были предприняты в книге [Шмелев 2002].

русской языковой картины мира вошло в широкий круг современных исследований в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

При этом следует отметить, что многие из наших работ, посвященных реконструкции русской языковой концептуализации мира были опубликованы в труднодоступных изданиях. Поэтому нам представляется целесообразным собрать их вместе, чтобы дать читателям представление о современном состоянии наших изысканий в данной области (некоторые статьи написаны или переработаны специально для настоящего сборника).

Статьи, собранные в данной книге, объединены общностью наиболее важных методологических установок; при этом они различаются по жанру и стилю; имеются некоторые расхождения и в используемом метаязыке. Статьи объединены в тематические разделы, соответствующие фрагментам русской языковой картины мира.

В качестве приложения к сборнику публикуется (с согласия автора) статья А. Вежбицкой. Эта публикация призвана продемонстрировать как сходства нашего подхода с подходом А. Вежбицкой, разрабатываемым в русле теории «естественного семантического метаязыка», так и определенные различия.

В заключение подчеркнем, что главным действующим лицом этой книги является русский язык. Наша задача — обнаружить те представления о мире, стереотипы поведения и психических реакций, которые русский язык навязывает говорящему на нем, т. е. заставляет видеть мир, думать и чувствовать именно так, а не иначе. Никаких выводов относительно свойств «русской души», «русского национального характера» и т. п. мы не делаем, хотя и используем в нашем анализе соответствующие концепты — как общие места русского бытового, философского, научного и т. д. дискурса².

Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев

---

² Наши исследования в области русской языковой картины мира поддерживались Центральным-Европейским университетом (проект А. Д. Шмелева «Русская языковая модель мира» в 1995–97 гг. и проект Анны А. Зализняк и И. Б. Левонтиной «Человеческие эмоции в представлении русского языка» в 1997–99 гг.). Данная книга была подготовлена к печати при поддержке РФФИ (проект «Лингвоспецифические слова русского языка и особенности русской языковой картины мира», руководитель А. Д. Шмелев, 2001–2003 гг.) и РГНФ (проект «Константы и переменные русской языковой концептуализации мира», руководитель А. Д. Шмелев, 2001–2003 гг.).

Часть I

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

А. Д. Шмелев

Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?*

Само по себе название данной статьи (отсылающее к известной книге А. Вежбицкой «*Understanding Cultures through Their Key Words*» [Wierzbicka 1997]) может ввести в заблуждение. Может показаться, что речь идет о каком-то заранее заданном множестве «ключевых» слов языка, относительно которых и ставится вопрос: не могут ли они способствовать пониманию культуры? Тогда неизбежно возникнет вопрос, как выявляется это множество и на каком основании мы относим то или иное слово к «ключевым».

На самом деле само понятие «ключевого» слова уже содержит в себе положительный ответ на заданный в заглавии вопрос. Можно считать лексическую единицу некоторого языка «ключевой», если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком. Поэтому исходный вопрос можно было бы переформулировать так: могут ли лексические единицы русского языка быть ключом к пониманию русской культуры?

Здесь существенна еще одна оговорка. Речь, разумеется, не идет о понимании русской культуры во всей ее целостности. Так, важной составной частью русской культуры является, например, русский балет, но едва ли анализ лексической семантики русского языка даст нам ключ к пониманию каких-то его существенных характеристик. Речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи

---

* Опубликовано в журнале: Мир русского слова. 2000. № 4.

свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком.

Такое представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, восходит к идеям Гумбольдта, получившим свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира—Уорфа. Но не случайно именно в настоящее время эти идеи вновь обретают популярность. Современные методы изучения лексической семантики и результаты, полученные при их применении к материалу русского языка, показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включает в себя лингвоспецифичные конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В других случаях лексико-семантический анализ позволяет уточнить выводы этнокультурологов, полученные без привлечения лингвистических данных.

Сказанное можно иллюстрировать на примере русских слов, служащих для обозначения времени суток: *утро*, *день*, *вечер*, *ночь*. На первый взгляд, для каждого из них можно найти более или менее точный эквивалент в основных западных языках (напр., для слова *утро* — англ. *morning*, франц. *matin*, нем. *Morgen* и т. д.). Однако, как мы попытались показать в [Зализняк, Шмелев 1997], эквивалентность для названий частей суток оказывается в значительной степени мнимой, поскольку в основе членения суток на периоды для русского языка кладутся несколько иные принципы, нежели для западных языков. При этом указанные различия могут быть связаны с расхожим представлением, согласно которому русские обращаются с временем в целом более вольно, нежели жители Западной Европы.

В западном представлении членение суток на периоды зависит от «объективного» времени, показаний часов, и сутки структурируются в первую очередь полночью и полуднем; при этом полдень имеет большее значение, поскольку структурирует самую важную часть суток — время предназначенное для работы (рабочий день). Не случайно в западных языках есть специальное слово

для обозначения второй половины рабочего дня, наступающей после полудня и связанного с полуднем обеденного перерыва (ср. англ. *afternoon*, франц. *après-midi*, нем. *Nachmittag*, итал. *pomeriggio*). В русском представлении концептуализация времени суток в большей степени зависит от того, что человек делает в период времени, о котором идет речь (в западном представлении дело обстоит скорее противоположным образом: взглянув на часы и определив время суток, человек знает, что ему надлежит делать). Так, если в западных языках 'утро' концептуализуется как часть суток, предшествующая полудню, то для русских *утро* — это скорее время, когда человек уже проснулся и занимается приготовлением к основной дневной деятельности (умывается, одевается, завтракает), но еще не приступил к ней. Такое представление находит отражение даже в произведениях массовой культуры. Ср.: *У Павла Добрынина было выработанное годами твердое правило: никогда не оставаться у женщины до утра. Понятие «утро» в его представлении не связывалось с каким-то определенным положением стрелки на часах. Главным критерием была утренняя атрибутика: умывание, разговоры, совместный завтрак, одним словом — все, что так или иначе напоминало семейный уклад. Даже если он просыпался в чужой постели в десять утра, он немедленно одевался и уходил. Так ему было проще* (Александра Маринина, *Игра на чужом поле*).

Указанное различие в концептуализации членения суток проявляется в целом ряде языковых фактов. Так, бросаются в глаза различия при обозначении точного времени. В западной традиции в основе такого обозначения лежит полдень; соответственно, различают, например, пять часов до полудня (*a. m.*, т. е. *ante meridiem*) и пять часов пополудни (*p. m.*, т. е. *post meridiem*). При этом, поскольку время до полудня концептуализуется как 'утро', пять часов до полудня иначе могут быть названы «пять часов утра». Такое обозначение не является чем-то удивительным и для носителя русского языка; однако его может удивить то, что в западных языках можно говорить и о двух часах, и даже о часе утра (ср. англ. *one, two in the morning*, франц. *une heure, deux heures du matin*). Ведь для носителя русского языка *утро* — это когда человек просыпается, а если человек в час ночи или в два ночи не спит, это скорее означает то, что он еще не лег, а не то, что он уже проснулся и собирается приступать к дневной деятельности. Конечно, в четыре часа утра тоже встанут относительно немногие,

однако необходимость вставлять столь рано возникает у представителей целого ряда социальных и профессиональных групп и не воспринимается в культуре как отклонение от нормы, что и дает основание использовать здесь слово *утро*. А для носителей западных языков 'утро' — это время до полудня, и потому два часа до полудня (*ante meridiem*) — это то же самое, что «два часа утра».

Сказанное не означает, что носители западных языков воспринимают час или два пополуночи как 'утро'. Лишь при обозначении точного времени достаточным оказывается бинарное членение суток: время до и после полудня. Когда же речь идет о времени суток как таковом, еще более существенно отграничение рабочего дня и периода, предназначенного для отдыха и сна ('вечера' и 'ночи'). Рабочий день, как уже говорилось, структурируется полуднем. Первая часть рабочего дня (до полудня) концептуализуется как 'утро', в полдень предполагается обеденный перерыв, после чего наступает вторая часть рабочего дня — «послеполуденное время». По окончании рабочего дня наступает вечерне-ночной период, причем 'вечер' не вполне четко отделяется от 'ночи' (многие западные словари определяют 'вечер' как первую часть 'ночи') и соотношения 'вечера' и 'ночи' в разных западных языках понимается несколько по-разному (в целом можно сказать, что первая часть 'ночи' — 'вечер' — предназначена для развлечений, а вторая часть — собственно 'ночь' — для сна).

В русской языковой картине мира представление о членении суток схоже с западным лишь отчасти. Оно может быть кратко охарактеризовано следующим образом. Сутки можно подразделить на *день*, когда осуществляется дневная деятельность, и *ночь*, представляющую собою «провал», перерыв в деятельности, когда люди спят. *День* не имеет четких границ. Когда человек пробуждается от ночного сна, наступает *утро*, представляющее собою подготовку к дневной деятельности. Когда дневная деятельность (работа) заканчивается, наступает *вечер*, который длится до тех пор, пока люди не ложатся спать (тогда наступает *ночь*). Обычно переход от сна к дневной деятельности занимает меньше времени, чем период после окончания работы до отхода ко сну, так что *утро* имеет меньшую продолжительность, нежели *вечер*. Поэтому бывает так, что люди задумываются, как бы *скоротать вечер*, но гораздо более сомнительна ситуация, когда надо *скоротать утро*.

Разумеется, описанная картина весьма схематична. Отдельно взятый человек может *писать статью всю ночь*, и от этого *ночь*